

СПб. : Symposium, 2001. – 586 с.

Эстерхази П. Фанчико и Пинта (записи, нанизанные на веревочку) / пер. Е. Малыхиной // Посвящение (из новой венгерской прозы): повести. – М., 1990 [электрон. ресурс] – Режим доступа: https://www.litmir.me/br/?b=585128&p=29#section_34 (дата обращения: 14.11.2022).

Эстерхази П. Harmonia caelestis / пер. В. Середы. – М. : НЛО, 2008. – 614 с.

COMPARISON FUNCTIONS IN *PRODUCTION NOVEL* BY P. ESTERHAZY

The article is devoted to one of the forms of creating visual images, which Peter Esterhazy successfully operates in the “Production Novel”. Irony, the tendency to play intertextual games with the reader, to create a charade text that absurdly turns the world upside down, is embodied in such an artistic device as comparison. The article discusses various types of comparisons, all of which are related to the world of nature and animals. The function of comparison in the novel is analyzed, which corresponds, on the one hand, to “elevate” the text, and on the other hand, to create a comic effect, a grotesque image of observation.

Key words: “Production novel”; P. Esterhazy; Hungarian literature; myth; comparison; irony; absurdity; intertext.

УДК 82-941

ФУНКЦИИ ДВОЙНИЧЕСТВА В ЖИТИИ ВИЗАНТИЙСКОГО ЮРОДИВОГО СИМЕОНА ЭМЕССКОГО

О.П. Шевцова

*Научный руководитель: С.Ю. Суханова,
кандидат филологических наук, доцент (ТГУ)*

В статье рассматриваются роль и функции двойничества в византийском житии Симеона Эмесского, произведении, заложившем основы канона агиографии юродства. Для анализа и объяснения происхождения двойничества в сюжете жития использован подход О.М. Фрейденберг. Сделан вывод, что двойники выполняют роль свидетелей по определению сокрытого для других подвижничества юродства, а также позволяют акцентировать особую, исключительную связь юродивого с сакральной стороной бытия.

Ключевые слова: двойник; юродство; Симеон Эмесский; житие; подвижничество; сакральность.

В работе мы рассматриваем двойничество в житии Симеона Эмесского – византийского юродивого. Это не единственный агиографический текст о юродивых, в котором у главного персонажа есть двойник: примерами могут служить жития тавеннийской юродивой из «Лавсаика» Палладия [Палладий 2010] и Андрея Юродивого [Жизнь Андрея 2007]. Можно предположить, что присутствие образа двойника свойственно ранним житиям юродивых. Но тогда возникает вопрос – для чего необходим в житии этот образ, какую роль он выполняет? Двойник –

это второстепенный персонаж, который совпадает с главным в ряде характеристик, но имеет и некоторые отличные черты. В нашем случае в нарративе он отличается от юродивого принадлежностью к социальной норме, пользуясь большим уважением в обществе. Таковы Питирум в житии юродивой, два Иоанна в житии Симеона и Епифаний в житии Андрея. Цель настоящего исследования – выявление особенностей и функций двойничества в житии Симеона Эмесского.

Генезис двойничества в литературе рассмотрела О.М. Фрейденберг на примере Геракла и Ификла, Ахилла и Патрокла и т.д. Она связала его появление с прохождением героем фазы смерти и отделением от него впоследствии в отдельного персонажа функций, связанных с этой фазой его существования. Герой становится двоичным. Теперь уже не он сам, а его двойник в качестве друга, брата и т.д. остается в преисподней или пребывает в ином, метафорически соотносящимся с фазой смерти, состоянии, а главный герой выходит на этот свет или так и пребывает в нем, где его жизнь продолжается [Фрейденберг 1997: 210].

Позже на двойничество обратил внимание М.М. Бахтин, рассматривая особенности творчества Ф.М. Достоевского. При этом само двойничество, на его взгляд, оказалось тесно связано с античной и карнавальной культурой [Бахтин 2002: 142].

Н.Т. Рымарь рассмотрел двойничество как один из способов сюжетно-композиционного развертывания образа героя. Двойником, по его мнению, является персонаж, выступающий как отражение главного героя, каких-то сторон его личности, но ведущий самостоятельную жизнь [Рымарь 1990: 86].

С.З. Агранович и И.В. Саморукова, обобщив в своей работе опыт предшественников, выделили типы двойничества и рассмотрели реализацию моделей таких отношений в творчестве Ф.М. Достоевского, И.Н. Бунина, В.В. Набокова и Н.В. Гоголя [Агранович, Саморукова 2001: 11].

Житие Симеона Эмесского рисует нам образы двух подвижников, которые практически сливаются, особенно в первой части повествования. Они оба молоды, проникаются друг к другу «любовью», вместе выбирают подвижничество, принимают постриг и пустынножительство, у обоих остались близкие, о которых они печалются: мать у Симеона, жена у Иоанна. Им снятся схожие сны, приходят одинаковые видения. Даже разделенные большим пространством, они накрывают одинаковый стол для странника, а впоследствии и умирают в одно время, как испросили у бога [Жизнь Симеона 1972: 55, 83].

Если в первой части повествование строится как совместный успешный поиск духовного просветления подвижников, то уход Симеона

в юродство меняет всю модель его отношений и связей не только с этим и потусторонним миром, но и с Иоанном. В тексте о Симеоне Иоанн противопоставлен юродивому как остающийся в поле обычных, мирских норм и правил. Это противопоставление соответствует логике О.М. Фрейденберг о функционировании образа двойника как части изначально единого героя, как его противофазы. Юродивый начинает называть последнего «несмысленным» [Жизнь Симеона 1972: 73, 77], как и других мудрецов от мира и обывателей, тем самым в «своей» системе координат уравнивая отшельника с ними и нивелируя все его достижения в подвижничестве. Тем самым через двойничество разграничивается мудрость юродства и мудрость мира.

Иоанн остается верен пустынножительству, но желает, чтобы ему, как и Симеону, «выпала десятка» [Жизнь Симеона 1972: 77], то есть стремится уподобиться юродивому в том, что стоит за выпадением этого числа. Линия с «десяткой» проходит практически через все житие Симеона. Именно с помощью игральные кости юноши определяют свой дальнейший жизненный путь: вернуться к мирской жизни или избрать пустынножество. Выпавшая Симеону десятка направляет их на подвижничество. На этом образе («десятка ожидает тебя») основано и предсказание проводившего церемонию пострига игумена Никона [Жизнь Симеона 1972: 56].

Примечательно, что и Иоанн, и Никон говорят о чем-то, видимо, сложновыразимом, но связанном с юродством Симеона, используя образ, связанный с игральными костями. Обращает на себя внимание, что при возможности использовать в тексте иные варианты, в большей мере соответствующие православной риторике, например, что Симеон достигнет святости в результате грядущего подвижничества, что будет иметь покровительство Бога в своем деле, духовно превзойдет многих, повествователь неоднократно останавливается именно на десятке.

Изначальной функцией костей была гадательная. В более поздний период, когда кости используются в качестве игры, за ними и самим процессом остается закрепленной связь с потусторонними силами и их расположением – удачей [Хейзинга 2019: 563]. О расположении высших сил и прямой связи с ними юродивого, а значит, и о его причастности к высшему знанию, истине и идет речь в тексте, когда используется образ выпавшей десятки. Причем имеется в виду архаизированный образ потустороннего, свойственный низовой городской или сельской традиционной культуре.

Этот вывод подтверждает и ситуация игры со смертью во сне больного горожанина. Приснившийся в сложный момент юродивый Симеон кинул за него нужную комбинацию, чем спас болеющего, после

чего тот выздоровел в реальности. На примере этой ситуации в житии показано, что Симеон оказывается способным обыграть смерть, управлять чьей-то судьбой, причем реальность сна рассматривается как некая иная, потусторонняя реальность. И Симеон оказывается способным в нее проникать, о чем он и дал знать позже горожанину. Таким образом, «десятка» с самого начала повествования отмечает невидимые связи Симеона с потусторонним, что выделяет его на фоне Иоанна, не удостоившегося такой чести. Эти возможности Симеона имеют параллели с эпизодом из жития юродивой в «Лавсаике» Палладия, где ангел поведал отшельнику Питируму, ее двойнику, что, несмотря на все его усилия, безумная монахиня святее его. В рассматриваемом в данной работе житии высшие силы через десятку являют свое расположение именно к Симеону, несмотря на то что изначально юноши изображены подобными друг другу, прямыми двойниками.

Таким образом, с самого начала повествования и знакомства Симеона с Иоанном автор отмечает незримой печатью избранности будущего юродивого. Этим маркером и служит выпавшая ему на игральном костях десятка. Юродство не только оказывается более богоугодным делом, но и сам характер его связей с потусторонним представлен как имеющий более высокий уровень, чем у отшельника.

Двойник Иоанн остается в тени героя – Симеона – и в вопросах, в которых, казалось бы, должен быть сильнее юродивого. Изначально о нем говорится, что он мудрее и владеет большим знанием, чем Симеон [Жизнь Симеона 1972: 58]. Однако пришедшим двум отцам из монастыря близ Эмесы на их спор о причинах соблазна Оригена он ответил, что еще «не удостоился благодати толкования приговоров божиих» и отправил их к юродивому за ответами, которые тот дал в своей иносказательной манере [Жизнь Симеона 1972: 72–73]. Таким образом, книжное знание Иоанна и отцов из монастыря здесь вновь противопоставлено мудрости Божией – знанию, которому причастен юродивый.

Случайному страннику Иоанн признался, что он, «как весь свет», живет молитвами Симеона, а затем богато угостил пришедшего, ибо по милости божией у него все было: пшеничные хлебы, жареная рыба, отменное вино и даже красивые кувшины. Эта картина сильно отличается от той, которую мы видим до ухода Симеона (до «раздвоения» персонажа), когда духовные братья совместно подвергались испытаниям холодом, голодом и зноем. Придя затем к юродивому, странник получает прием с тем же набором блюд и даже кувшинами того же размера [Жизнь Симеона 1972: 76–77]. Таким образом, милость Божия, коснувшаяся юродивого, коснулась и его двойника, и, вероятнее всего, как раз благодаря молитвам Симеона.

Когда Симеон реализует свою десятку, начиная юродствовать, число его «двойников» увеличивается. Появился дьякон, который, по словам повествователя, впоследствии и рассказал ему историю подвижника в Эмесе. Таким образом, именно на этого персонажа в житии возлагается функция свидетеля. Его также звали Иоанном, исходя из чего можно предположить, что он, как священник, – в первую очередь городской двойник пустынножительствующего Иоанна, а через него – уже и Симеона.

Однажды юродивый молитвой спасает его от смерти: этому боголюбивому мужу убийцы в дом подкинули тело, власти обвинили Иоанна и приговорили к повешению. Молитвами Симеона настоящие убийцы были найдены и невиновного отпустили. [Жизнь Симеона 1972: 77].

В этом эпизоде следует подчеркнуть несколько моментов. Первый из них состоит в обращении дьякона к высшим силам как «Боже юродивого» (Ὁ Θεὸς τοῦ Σαλοῦ). Поскольку они оба христиане, то и бог у них должен быть один. Однако отличия, видимо, имеются, и лежат они в области того, чем является юродство.

Вторым моментом является недостаточность силы молитвы самого Иоанна. Для свершения чуда потребовалось заступничество юродивого. Объяснением всей ситуации служит грех дьякона – отказ нищим в милостыне. Однако о связи между эпизодом с нищими и возможной казнью Симеон поведал Иоанну только после спасения последнего. Знание об этой связи вновь показывает в житии причастность Симеона божественной мудрости, истине.

Третий момент состоит в том, что некто, выполнивший в житии роль вестника, обосновал необходимость вмешательства Симеона в ситуацию с Иоанном тем, что в противном случае юродивый умрет от голода. Между тем мы видим, как Симеон с помощью молитвы получает все, что просит, «так как из-за святости его цели Бог все незримо посылал Симеону», в том числе еды на целый стол [Жизнь Симеона 1972: 74, 76–77, 79–80]. Юродивый может каждый день приносить оболгавшей его беременной рабыне пшеничный хлеб, мясо и рыбу, он ест бобы, носит на шее связку колбас, которые также взяты неизвестно откуда. Таким образом, ситуация не выглядит так, будто Иоанн постоянно спасает Симеона от голода. Но именно об этом говорит вестник. Только после этого он рассказывает юродивому, как было дело с подброшенным телом и что Иоанн невиновен. Удивительно, что он не аргументирует необходимость спасения тем, что Иоанн боголюбивый или близкий Симеону человек, его невиновность является второстепенным доводом в речи незнакомца.

В рассматриваемом эпизоде автор жития выстраивает

многосоставную метафору смерти, с которой оказался связан Симеон: убит горожанин, смерть грозит Иоанну, а после – и самому юродивому. Избавление от нее последние два получают через молитву подвижника и связанное с ней пламя. В этой ситуации сам Симеон оказывается «волшебным помощником» Иоанна: без его сверхъестественного вмешательства дьякон бы погиб [Пропп 2000: 139]. То, что смерть в этом случае грозила бы и юродивому, говорит о связанности их судеб. Об этом же свидетельствует и последняя их беседа. За несколько дней до своей и своего духовного брата кончины юродивый рассказывает о грядущем дьякону, поведав о том, что скоро господь возьмет и его, Иоанна [Жизнь Симеона 1972: 81]. Кроме того, подвижник рассказывает именно ему и обо всей своей жизни. Предсказание Иоанну о скорой смерти, сделанное юродивым перед кончиной, с одной стороны, завершает образ двойника, с другой – подспудно предупреждает дьякона о том, что он ограничен во времени для передачи рассказа о жизни подвижника миру. Когда пришло время, Симеон покинул мир вместе с Иоанном из пустыни, как они и договаривались ранее, а дьякон становится свидетелем последнего явленного ему юродивым чуда: тело подвижника исчезает из гроба [Жизнь Симеона 1972: 83].

Можно отметить различия и в выстраиваемых юродивым со своими двойниками способах коммуникации. Хотя с пустынножительствующим Иоанном связь Симеона не прерывалась после ухода в Эмесу, все же напрямую они не общались. Отшельник отправляет некоторых своих гостей к юродивому как к более мудрому. Тот же, в свою очередь, отпускает в адрес Иоанна насмешливые высказывания, использует иносказания для ответа. Таким образом повествователь актуализирует имеющуюся между ними связь. Лишь за несколько дней до смерти Симеон в качестве видения отправляется к своему двойнику в пустыне и откровенно с ним беседует. В то же время с дьяконом Симеон общался неоднократно, используя как шутовские приемы дурачка, так и осознанное поведение. Он, не юродствуя, разговаривал с Иоанном из Эмесы после спасения от виселицы. Порой вел назидательные беседы, но грозил великими муками в грядущем веке, если тот откроет его тайну [Жизнь Симеона 1972: 81]. Как и своего духовного брата из пустыни, Симеон и эмесского Иоанна называет бессмысленным и юродивым, может себе позволить над ним посмеяться: на предложение пойти помыться, отправляется с дьяконом по улицам нагим, сняв одежду и положив ее себе на голову, а потом еще и сворачивает в женскую купальню. В свою очередь, Иоанн мог позволить себе шепнуть на ушко подвижнику, что его не смущает юродивое поведение последнего, когда тот, например, ел сырое верблюжье мясо [Жизнь Симеона 1972: 70, 75–76, 78], чем

показывал, что видит и знает в этот момент скрытую от окружающих подвижническую сущность юродивого поведения. В то же время повествователь подчеркивает, что «со всеми другими Симеон держался не так» [Жизнь Симеона 1972: 78], старался не показывать своей разумности.

Можно отметить, что юродивый имел особые доверительные отношения со своими двойниками, но в миру их не показывал и даже тщательно скрывал. Оба Иоанна были теми избранными, кто обладал истинным знанием о юродстве Христа ради Симеона. Соккрытие этого знания является неотъемлемой частью двойничества в данном житии и сущностно значимо для юродивого. Для всех остальных юродство должно было оставаться тайной, подвиги подвижника – «утаенными», а сам юродивый – неузнанным. Перед своим юродством Симеон в Иерусалиме молил Бога о том, чтобы подвиг его не открылся «до самого дня отшествия его» и остался соккрытым от людей [Жизнь Симеона 1972: 67–68].

Сам Симеон прилагал много усилий для соккрытия подвижнического характера своего юродства – сотворив чудо, сразу оставлял то место, пока совершенное не забудется, совершал что-то «непотребное», чтобы скрыть свой подвиг, накладывал печать безмолвия или забвения [Жизнь Симеона 1972: 69, 73–75, 80–81]. Только после того, как все увидели, что тело Симеона пропало из гроба («господь восхитил его»), «все точно пробудились ото сна и стали рассказывать друг другу, какие чудеса святой явил каждому из них, и уразумели, что юродивым он показывал себя ради Бога» [Жизнь Симеона 1972: 83].

Таким образом, двойники в данном житии связаны с Симеоном тайной подвижничества его юродивой жизни. Они добровольно хранят ее. Раскрытие этой тайны повлекло бы за собой прекращение юродства Христа ради, как это случилось, например, с юродивой из «Лавсаика» Палладия, подвижничество которой было раскрыто Питирумом, после чего монахиня прекратила этот подвиг, а вскоре покинула монастырь, не вынеся славы.

В целом можно констатировать, что в данном житии двойники юродивого функционируют как хранители его тайны, свидетели мнимости принятого подвижником безумия, а также свидетели и соучастники совершаемых им деяний именно как подвижничества. В этом их функция как персонажей для читателя (реципиента жития). Также они изначально противопоставлены Симеону как отмеченному высшими силами, что выражается, в частности, в выпавшей ему десятке. Такое покровительство у его двойников отсутствует, и в этом смысле они подчеркивают в житии уникальность и богоизбранность юродивого. Иоанны и Симеон представлены в житии как alter ego друг друга, следующие двумя разными

путями спасения – индивидуального и направленного на спасение других соответственно. Мудрость Божья, которой причастен подвижник, при этом противопоставляется их книжной и бытовой мудрости. Жизнь Симеона оказывается тесно связанной с обоими Иоаннами, они являются его помощниками, так же как и он – их. О силе имеющихся между юродивым и двойниками связей говорит то обстоятельство, что они оказываются связанными не только в жизни, но и в смерти.

Список литературы

- Агранович С.З., Саморукова И.В.* Двойничество. – Самара : СамГУ, 2001. – 132 с.
- Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М.М. Собр. соч. : в 7 т. Т. 6. – М., 2002. – С. 5–300.
- Жизнь Андрея 2007 – Жизнь и деяния св. отца нашего Андрея, юродивого Христа ради. – СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2007. – 320 с.
- Жизнь Симеона 1972 – Жизнь и деяния аввы Симеона, Юродивого Христа ради, записанные Леонтием, епископом Неаполя Критского // Византийские легенды. – Л., 1972. – С. 53–83.
- Палладий.* Лавсаик // Иросанфион, или Новый Рай: Собрание текстов монашеской агиографии Палестины, Египта и Византии V–XV вв. – М., 2010. – С. 27–152.
- Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. – М. : Лабиринт, 2000. – 336 с.
- Рымарь Н.Т.* Поэтика романа. – Куйбышев : Изд-во Саратов. ун-та. Куйбышевский филиал, 1990. – 255 с.
- Фрейденберг О.М.* Поэтика сюжета и жанра. – М. : Лабиринт, 1997. – 448 с.
- Хейзинга Й.* Homo ludens. Человек играющий // Хейзинга Й. Осень Средневековья. Homo ludens. Эссе. – М., 2019. – С. 513–764.

THE FUNCTIONS OF TWINS IN THE LIFE OF SIMEON OF EMESA

The article discusses the role and functions of twins' pattern in the *Life of Simeon of Emesa*, seminal work for the canon of the holy fools' hagiography. The approach of O.M. Freidenberg is used to analyze and explain the need for twins' duality in the plot of the *Life*. The conclusion is made that the twins play the role of witnesses to determine the asceticism of holy fool which is hidden for others. Also twin person emphasizes the special, exclusive connection of the holy fool with the sacred side of being.

Key words: twins; holy fool; Simeon of Emesa; life of saints; asceticism; sacredness.